

ТРАГЕДИЯ И БОЛЬ ЧЕРНОБЫЛЬЦЕВ

26 апреля исполняется 30 лет со дня самой страшной техногенной катастрофы прошлого столетия — аварии на Чернобыльской АЭС. Сегодня ликвидаторов, героев тех дней, постигла новая беда — равнодушие и беззащитная жадность чиновников. О катастрофе и черствости властей рассказал Алексей Борисович Новичков, председатель Совета общественного объединения «Союз Чернобыль на Западе Москвы».

Заслонившие собой страну

ИЗ ПЕРВЫХ УСТ

Я родился в Химках в 1956 году. Там же учился, затем, в 1973 году, поступил в Костромское высшее военное училище военной химической защиты, которое за четыре года успешно закончил. После этого служил в вооруженных силах, и в 1982 году по распределению попал в Северо-Кавказский военный округ. В 1986 году мне исполнилось тридцать лет, и в апреле я находился в отпуске в Москве, когда в 8 утра ко мне домой пришел представитель военкомата с телеграммой: «Срочно прибыть в часть». 15 мая я был уже на месте катастрофы.

К тому времени здесь уже велась серьезная работа. Первый удар приняла на себя пожарная служба безопасности Чернобыльской АЭС. Эти ребята бросились в пекло и буквально превратились в пар, исчезли. Потом к ликвидации подтянулись воинские части из Киева. Почти все эти военнослужащие погибли, но дали возможность мобилизовать остальные войска и развернуть мощнейшую группировку ликвидаторов со всей страны. Было три сектора: первый — белорусский военный округ — наступал с севера, второй — киевский военный округ — наступал со стороны Иванково, а прикарпатский военный округ наступал с запада.

К тому времени я уже был начальником химической службы полка, в моем подчинении было полторы тысячи человек. (Таких частей, как наша, способных действовать в условиях применения химического, биологического и ядерного оружия, очень мало. Это единственные войска двойного назначения, которые могут использоваться и в военное, и в мирное время.) Нам помогали также войсковые соединения гражданской обороны, которые были предназначены для ликвидации крупных аварий, катастроф техногенного характера и землетрясений. Мне пришлось быть на месте ликвидации катастрофы дольше всех — семь месяцев.

Наши химические войска занимались контролем уровня облучения, радиометрической разведкой — обнаружением заражения и составлением карт, санитарной обработкой людей, вещей, построек и грунта. Также в составе полка были подразделения: связи, механизированные и материально-технического обеспечения.

Первое и главное, что нам удалось сделать, — локализовать аварию, то есть не дать радиации распространиться. Поднявшееся после взрыва радиоактивное облако несколько раз обошло весь земной шар. Заражение подверглись не только прилегающие к Чернобылю украинские и белорусские территории, но и часть России — Брянская, Калужская, Смоленская области.

Лучшие представители фронтовой авиации на вертолетах засыпали реактор свинцом, нефтяным шламом и цементом, механизированные подразделения очищали площадку вокруг станции, а другие части разрушали строения и закапывали их остатки, технику и прочие вещи в могильники — гигантские котлованы, обложенные пленкой, бетоном и свинцом.

Чтобы Припять, впадающая в Днепр, не оказалась подвергнутой радиоактивному заражению, нужно было поставить фильтры и отгородить потоки от грунтовых вод. Это позволило остановить заражение акватории Днепра, Азовского и Черного морей. Затем за дело взялись инженеры, монтажники, строители, шахтеры

и метростроевцы, которые возвели саркофаг — монументальную конструкцию, скрывающую реактор.

За семь месяцев последствия аварии, которая могла стать катастрофой вселенского масштаба, ценой огромных усилий были ликвидированы. На это работала вся страна. С разных концов СССР к месту аварии стекался вспомогательный персонал — водители, медицинские работники, повара, поддержать боевой дух ликвидаторов приезжали известные артисты и певцы. Все же в ликвидации последствий аварии принимали участие приблизительно 680 тысяч человек.

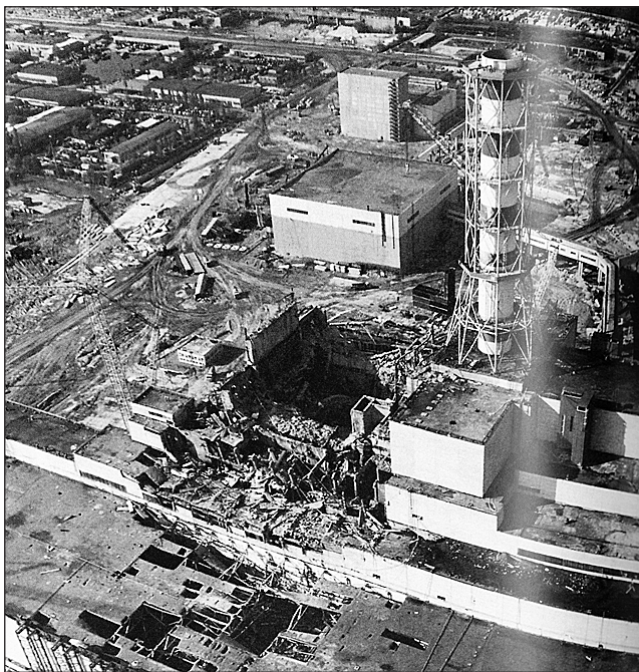
Но на этом все не закончилось. Войсковые части направились в прилегающие населенные пункты, чтобы замерить уровень радиации и при необходимости эвакуировать оттуда жителей. Далеко не все были в курсе того, что произошло. Доходило до смешного: ликвидаторы зашли в какую-то деревеньку, там дом, в доме — дед на печи лежит и спрашивает: «Ребята, а что, война-то кончилась?» В последний раз он солдат видел во время Великой Отечественной. Я и сам возвращался на работы в зону аварии дважды в 1987 году, каждый раз — на полтора месяца, а после меня отправили на ликвидацию последствий Спитакского землетрясения в Армении. Никакого отдыха, никаких чествований героев не было.

НЕСПРАВЕДЛИВО ЗАБЫТЫЕ

Алексей Борисович был вынужден уволиться из армии по состоянию здоровья в 38 лет. Пенсионер и инвалид II группы с уважением и восхищением вспоминает о подвигах однополчан и других ликвидаторов. О самой же аварии говорит коротко: «Зрелище не для слабонервных». Представить ужас тех дней могут лишь те, кто видел опустошенные невидимой, но смертоносной радиацией города и поселения своими глазами. Многие, зная об угрозе, боялись ехать в район Чернобыля. В ряды ликвидаторов вступали самые бесстрашные и самоотверженно любящие Отечество. Были, правда, и те, кто гнался за длинным рублем, но деньги не всегда могли перебить брезгливость мучительной смерти. Сегодня государство не хочет думать о людях, ценой своей жизни и здоровья уберечь мир от тяжелейших последствий внезапно произошедшей аварии на объекте, где использовался несущий пользу людям, казалось бы, безобидный, «мирный атом».

В 1991 году с целью возместить ущерб всем пострадавшим от катастрофы был принят так называемый «чернобыльский закон». Ликвидаторам, эвакуированным и переселенцам были предоставлены серьезные льготы: приоритетное обеспечение жильем, беспроцентные кредиты, инвалидный транспорт, льготный проезд, бесплатные дачные участки, путевки в санаторий...

Оценив, что статус «чернобыльца» сулит значительные выгоды, самые пронырливые захотели получить его незаконными путями — они добывали поддельные справки, приводили в суд подставных свидете-

лей, подтверждавших их присутствие в «зоне» в дни аварии. «Красную книжку», удостоверяющую личность ликвидатора, выдавали и тем, кто и близко не подъезжал к зоне аварии или провел там не больше дня.

Из-за запутанного механизма расчета, основанного на зарплате, получаемой чернобыльцами в 1986 году, выплаты «тыловикам» могли быть в разы выше, чем «фронтовикам», непосредственно участвовавшим в ликвидации и проводившим на месте аварии не один месяц. Государство испугалось толпы льготников, но пересматривать процедуру присвоения статуса или расчета выплат не стало.

Вместо этого власти стали корректировать закон 1991 года многочисленными поправками и подзаконными актами. Изменения вносились чуть ли ни каждый год — в 1992, 1993, 1995, 1996, 1996, 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2006, 2007, 2008 годах. В новых редакциях «потерялись» важнейшие пункты — например, после 2005 года исчезла статья об однократном бесплатном обеспечении жилой площадью. Тем же, кто успел получить квартиру, приходится переплачивать за коммунальные услуги, потому что подаренная в знак государственной благодарности площадь превышает «социальную норму» — 18 квадратных метров на человека.

В 2005 году ликвидаторов затронула зурбавская «монетизация льгот»: вместо санаторно-курортного лечения, бесплатных лекарств и проезда на общественном транспорте чернобыльцам решено было выделять по 1700 рублей. Еще одно крайне болезненное для всех жертв Чернобыля новшество касается лечения: теперь, чтобы получить бесплатную медицинскую помощь, выходящую за рамки ОМС, они должны доказывать, что их заболевания связаны именно с радиацией, притом, что почти любое недомогание врачи списывают на возраст.

«Двое моих бывших подчиненных участвовали в ликвидации аварии, а после служили, поэтому на медицинские обследования у офицеров не было времени. Теперь же они не могут доказать, что их болезни связаны с Чернобылем», — рассказывает Алексей Борисович.

Ликвидатора возмущает то, что гарантированные законом льготы ему и его товарищам приходится отстаивать в судах, тратя на это последние силы и деньги. «У меня сосед 27 лет сидел в тюрьме, там заболел туберкулезом и получил инвалидность. И о нем государство заботится так же, как и обо мне — справедливо ли?» — задается вопросом ликвидатор. — «Видя, какой «почет» оказывает нам государство, молодое поколение воспринимает нас не как героев и защитников Отечества, а как «лузеров», а чиновники — как нахлебников. Хотя на самом деле чернобыльцы — это пожилые люди с подорванным здоровьем, заслонившие собой страну и весь мир от страшной угрозы радиоактивного заражения».

Алексей Борисович не просит от государства многого, но добивается, чтобы оно вернуло те льготы, которые дало изначально: полноценную медицинскую помощь, обеспечение жильем, прозрачный расчет льгот на коммунальные услуги, не привязанный к площади квартиры, санаторно-курортное лечение. Вместе с общественным объединением «Союз Чернобыль на Западе Москвы» он пытается достучаться до властей. Юристы организации помогают ликвидаторам, их вдовам и детям отстаивать свои законные права в суде. У Алексея Борисовича и сотен тысяч других чернобыльцев сегодня одна надежда: на то, что мрачная дата — тридцатилетие аварии — заставит чиновников обратить внимание на них как на людей, совершивших подвиг и потому достойных заботы государства об их благополучии.

Мария Михалева

Спустя тридцать лет после катастрофы, 21 апреля, во Врубелевском зале Третьяковской галереи прошел благотворительный концерт для семей пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС.

Вот уже на протяжении 20 лет в эти трагические памятные апрельские дни классическая музыка в этих стенах звучит в исполнении Камерного оркестра Российского национального оркестра под руководством Владислава Лаврика для тех, для кого эта скорбная дата и сегодня отзывается острой болью.

Слова благодарности героям, вставшим на защиту населения от последствий страшной техногенной катастрофы, высказал депутат Госдумы Владимир Родин. От имени МГК КПРФ он вручил организаторам мероприятия благодарственные письма.

Фото Ксении Будариной